

— Сяо Чуань, принеси стул, присядь.

Дай Пэйчуань послушно притащил стул и сел у края кровати, приняв такой серьезный и исполнительный вид, будто ждал приказаний. Бай Линъюнь, глядя на него, невольно усмехнулся: впервые ему довелось увидеть, чтобы кого-то так старательно дурачили.

Собравшись с мыслями, он медленно заговорил:

— После того как я очнулся, многое стерлось из памяти. В голове пустота, не могу припомнить совершенно ничего.

Дай Пэйчуань сжал кулаки так сильно, что послышался едва уловимый всхлип.

Бай Линъюнь выдержал паузу в пару секунд и продолжил тихим голосом:

— Я не могу позволить, чтобы об этом узнали хозяин Чэнь и второй господин Цянь, да и вообще кто-либо из посторонних. Если они поймут, что у меня сейчас не все в порядке с головой...

На этом месте Бай Линъюнь осекся. Он понятия не имел, по какой причине «он» из этого времени решил наложить на себя руки и почему его душа покинула тело. Ответ на этот вопрос он должен был получить из уст этого мальчишки.

Кулаки Дай Пэйчуаня сжались еще сильнее, сухие костяшки пальцев выглядели пугающе.

— Если они узнают, слухи тут же разойдутся! Люди из Чунхэтана немедленно придут и заберут вас обратно!

О? Чунхэтан? Заберут его обратно? Это была крайне важная информация.

Бай Линъюнь, подавляя отвращение, продолжил разыгрывать этот мелодраматичный спектакль:

— Сейчас мне нужен человек, которому я могу полностью доверять, чтобы он помог мне вернуть память. Сяо Чуань, ты тот самый человек?

Дай Пэйчуань с серьезным видом поднялся, внезапно опустился на колени и с громким стуком ударился лбом о пол перед Бай Линъюнем.

— Хозяин, примите поклон вашего слуги.

Сказав это, он еще дважды со стуком поклонился.

От этой внезапной сцены с коленопреклонением Бай Линъюнь опешил. Что происходит? Какое еще господство и служение?

Дай Пэйчуань не поднимался, глядя на Бай Линъюня с таким решительным видом, будто говорил: если не примешь меня в слуги, я так и буду стоять на коленях, пока не умру.

Бай Линъюнь крайне неловко откашлялся:

— Ты... вставай.

Получив разрешение, Дай Пэйчуань поднялся.

— Господин, не волнуйтесь, слу...

— Стой! — Бай Линъюнь не выдержал и прервал его. — Я не господин, а ты не слуга.

— Но...

— Никаких но!

Увидев, что Дай Пэйчуань снова собирается упасть на колени с таким видом, будто его бросили, Бай Линъюнь поспешно прикрикнул:

— Стой смирно!

Мальчишка втянул голову в плечи, в его глазах читался трепет. Он замер, боясь пошевелиться.

— Ты... — Бай Линъюнь не знал, что и сказать. Пришлось пока промолчать, чтобы постепенно, шаг за шагом, выкорчевывать из его головы эти феодальные пережитки.

Глубоко вздохнув, он постарался придать голосу мягкость, чтобы Дай Пэйчуань смог принять его слова:

— Мы с тобой ничем не отличаемся, нет никакой разницы в статусе или положении. Я старше тебя, можешь называть меня старшим братом.

— Это невозможно...

Бай Линъюнь прервал его, глядя строго:

— Старший брат подобен отцу. Разве ты не станешь слушать слова брата, как слова родного отца?

От этих слов Дай Пэйчуань застыл на месте, широко распахнув глаза. Долгое время он молчал, а затем по его щекам покатились слезы.

Бай Линъюнь не проронил ни слова, молча наблюдая за беззвучными рыданиями подростка. В нынешние времена, если семья могла позволить себе хотя бы чашку жидкой каши, они ни за что не продали бы ребенка в театральную труппу. Те, кто попадал туда, подписывали кабальные контракты, зачастую пожизненные. Пока труппа существовала, человек не мог покинуть эти стены. Так одно поколение тянуло за собой другое, и все они навеки оставались актерами — людьми низшего сословия.

Предки Бай Линъюня прошли через то же самое. Только во времена его дяди профессия актера начала обретать хоть какой-то статус, но через какую горечь и невзгоды им пришлось пройти, не понять тем, кто этого не испытал.

Выплакавшись, Дай Пэйчуань заметно прибодрился. Под давлением и уговорами Бай Линъюня он наконец прошептал едва слышно:

— Старший... брат.

Бай Линъюнь выдохнул с облегчением. Он так боялся, что после фразы о старшем брате этот простодушный мальчишка назовет его папенькой!

Из разговора с Дай Пэйчуанем он узнал, что сейчас 1912 год — первый год Китайской Республики. История здесь пошла по иному пути: после образования Республики столицу не перенесли в Цзяннин, она осталась в Ваньцзине. Бай Линъюнь удивился, но не стал расспрашивать дальше, чтобы не вызвать подозрений.

Что касается «его» самого, он узнал почти все. В этом мире его тоже звали Бай Линъюнь, он был актером мужских ролей женского амплуа, ему было девятнадцать. Из-за преследований со стороны милитаристов он попытался повеситься. В глазах окружающих это была неудачная попытка суицида, но для самого Бай Линъюня все было иначе: тот, прежний, уже давно погиб, и его душа исчезла — возможно, улетела в современный мир, или в другой неведомый край, или просто погасла, как свеча.

Еще одно открытие его удивило: судя по туалетному столику и нарядам, он полагал, что «он» здесь был известной звездой. Реальность же оказалась куда прозаичнее. Он действительно был актером, но далеко не первой величины. Залы на его выступлениях заполнялись едва на шестьдесят-семьдесят процентов, поклонников было немного, и в основном они приходили посмотреть на красивое личико.

Зрителей мало, труппа забирала львиную долю дохода, а наряды требовали постоянных

вложений — это объясняло, почему у прежнего владельца, кроме столика и шкафа с одеждой, не было ни гроша за душой.

Сопоставив факты, Бай Линъюнь сделал выводы. Во-первых, он был выходцем из старинного столичного театра Чуньхэтан. У него была хорошая база, поставленный голос, а внешность и статность лишь дополняли талант. Он мог бы давно стать звездой, но скверный характер мешал ему преуспеть в Пекине, где каждый второй был влиятельным покровителем. Внутри труппы он славился холодностью и высокомерием, избегал общения с коллегами. Снаружи — не умел подстраиваться, льстить и быть гибким. С таким набором качеств даже в современном мире, без связей и умения лавировать, пробиться на вершину было бы крайне сложно.

Дай Пэйчуань пришел в труппу Шэнфубань недавно и знал немного. Он не ведал, как Бай Линъюнь оказался здесь из Чуньхэтана. Зато о самой Шэнфубань он знал всё. Слушая бесконечные истории старых мастеров, он выучил путь труппы наизусть. Шэнфубань существовала давно, в эпоху правления Цин она даже знавала времена расцвета, но с приходом в Пекин четырех великих анхойских трупп такие старомодные коллективы, как Шэнфубань, оказались погребены под волнами перемен.

<http://bllate.org/book/19185/1883616>